

КСЕНИЯ КОСКУНА

ТАЛАНТОВ МНОГО НЕ БЫВАЕТ

УМОРИТЕЛЬНО-СМЕШНАЯ ИСТОРИЯ

Современные писатели (Проф-Пресс)

Ксения Коскина

Талантов много не бывает

Издательский дом "Проф-Пресс"

2025

УДК 821.161.1-053.2
ББК 84(2Рос=Рус)6

Коскина К. Л.

Талантов много не бывает / К. Л. Коскина — Издательский дом
"Проф-Пресс", 2025 — (Современные писатели (Проф-Пресс))

ISBN 978-5-378-36082-6

Анечка Неунывакина очень упорная и старательная, но у неё ничего не получается. Она посещает разные кружки и секции и находится в поисках себя, в чём её поддерживают трепетная мама, оптимистка бабушка, вечно работающий папа (как умеет) и такса сарделия. Девочка постоянно попадает в разные комичные ситуации, но никогда не унывает – за это спасибо фамилии!

УДК 821.161.1-053.2
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-378-36082-6

© Коскина К. Л., 2025
© Издательский дом "Проф-
Пресс", 2025

Содержание

Предисловие	6
Глава 1. Анечка поёт	11
Глава 2. Анечка танцует	15
Глава 3. Анечка гимнастка	19
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Коскина Ксения

Талантов много не бывает

© Издательский дом «Проф-Пресс», 2026

© Коскина К. Л., текст, 2026

* * *

Предисловие

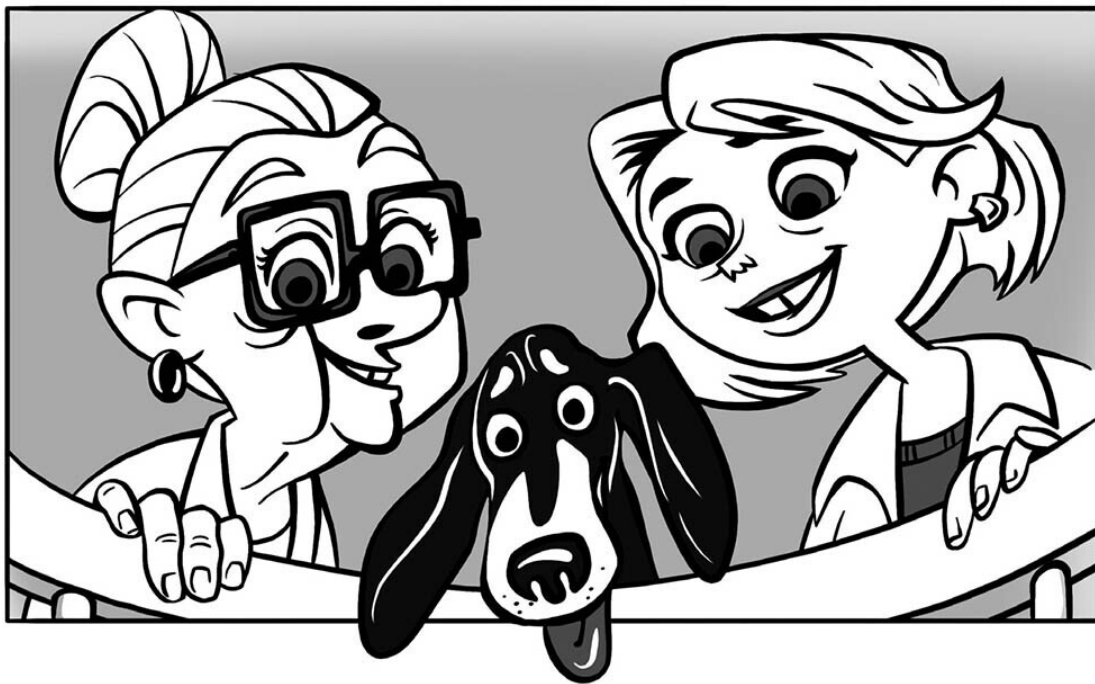
То, что Анечка далеко пойдёт, мама поняла, ещё когда дочь даже не умела ходить, а только родилась. Мощное контральто малышки напрочь заглушало хилые голоса других грудничков.

Новоиспечённые родители привезли Аню домой, и их встретила мамина мама Тома, у ног которой прыгала от радости благородная и упитанная такса Сарделия.

У папы был важный проект, поэтому он вскоре заполнил собой пространство лоджии и отныне отказывался выходить оттуда без смертельной необходимости. Анечка смирилась с вечной отцовской занятостью и принялась расти и крепнуть на радость постоянно вздыхающим от умиления маме и бабушке. И немного собаке.

В три месяца девочка решила, что пришла пора перевернуть этот мир, хотя бы с животика на спинку. Она кряхтела и размахивала непослушными руками и ногами.

– Упорная, – заметила бабушка Тома, поправляя сползшие на кончик носа очки и поглаживая Сарделию.

Мама гордо улыbnулась и продолжила наблюдать за стараниями ребёнка.

Анины усилия не прошли даром: вскоре она уже мастерски переворачивалась, ползала, садилась на попу, вставала на ножки, опережая в этом своих сверстников.

Папа, на миг оторвавшийся от проекта в первый день рождения дочери, отметил, что она заметно подросла. Анечка, одетая в костюм принцессы, изящно взмахнула ножкой, сделав эффектное па. Мама всплеснула руками и восхищённо посмотрела на крошечку. На семейном совете было решено отдать Аню в балет.

Уже на следующий день Аня, мама, баба Тома на подхвате и Сарделия на поводке стремительно влетели в балетный класс при ближайшей школе искусств.

Молодая педагогиня хлопала глазами при виде юного дарования. До этого она ещё не имела дела с подопечными такого возраста.

– Здравствуйте! – громко сказала мама, улыбаясь во весь рот. – А мы вам Анечку Неунывакину привели! Посмотрите, как она умеет! Очень перспективная девочка!

– Ну давайте посмотрим, – промямлила хореограф.

Анечка прошлась вдоль стеночки некрепкой походкой пингвинёнка.

– Да, определённо перспектива просматривается, – вынесла вердикт педагог. – Приходите годика через два, будем заниматься.

Мамино настроение моментально изменилось. Она наградила оппонентку испепеляющим взглядом, взяла в одну руку Аню, другой подхватила бабу Тому и пулей вылетела из балетного класса. Сарделия скакала за ними по ступенькам с высунутым языком.

– Неслыханная наглость! – кричала родительница прохожим, отчего они в диком испуге отпрыгивали. – Ну ничего, Анечка ещё всем покажет! Сами потом прибегут!

Выражая полную солидарность, Аня пробормотала что-то вроде «каля-паля».

Дома женщина бушевала ещё несколько часов, нервно перекладывая вещи с места на место. Анечка сидела в манеже и строила из кубиков высокую башню. Кубики не слушались и падали из её пухлых ручек, но она упорно подбирала их и снова ставила друг на друга, не замечая ничего вокруг.

– Что там у неё просматривается? Перспектива-шмерспектива! – кричала мама.

Папа оторвал от компьютера всклоченную голову и неожиданно произнёс:

– Ты знаешь, дорогая, безусловно, должна просматриваться шмер... перспектива. Это именно то, о чём я забыл.

Он пробурчал что-то ещё нечленораздельное и вновь погрузился в работу.

– Вот так всегда и бывает, – сказала наконец выдохшаяся мама бабе Томе, – услышит моё последнее слово и поддакнет.

– Ничего не поделаешь, у человека проект, – вздохнула та. Сарделия гавкнула в подтверждение бабушкиных слов.

Анечке наконец удалось поставить друг на друга все кубики. Она довольно улыбнулась, а затем сломала башню и принялась строить её заново. Так прошёл день.

* * *

В садике Ане очень понравилось. Она с удовольствием ела всё, что клали ей в тарелку, спала в тихий час, с усердием занималась тем, чем пытались заинтересовать взрослые.

– Музрук хвалит вашу дочь, – говорила маме пожилая воспитательница. – Слух, конечно, надо развивать, но голос от природы очень сильный.

Маму, естественно, оскорбили слова о том, что у её ненаглядной малышки что-то недоразвито. Она добилась аудиенции с музыкальным руководителем и долго высказывала, что на самом деле слух у дочери идеальный, просто репертуар в саду составлен таким образом, что ей негде развернуться и показать весь свой диапазон.

– Когда Анечка голосит дома, все соседи заслушиваются, – с гордостью рассказывала мама. – Бабе Томе потом говорят: весь вечер только вашу девочку и было слышно. Понимаете? Она поёт даже громче стиральной машинки на высоких оборотах!

Уставшая музруководительница кивала и соглашалась.

Анечка Неунывакина была украшением любого утренника. Она декламировала стихи, пела, исполняла танцы матрёшек и маленьких утят, вальс цветов, полечку, кадрили, водила хороводы. Остальные воспитанники смотрелись на её фоне откровенно блёкло. Слух у девочки отсутствовал напрочь, что бы там ни говорила мама, но дело происходило в детском саду, а не в консерватории, поэтому все закрывали на это глаза.

* * *

Четыре года в саду пролетели незаметно для всей семьи, а особенно – для папы в углу лоджии. Леса оделись в золото и местами даже в багрец, а Анечка пошла в школу. Она стояла впереди всех на торжественной линейке, румяная и беззубая, и весело махала пышным букетом из гербер.

Мама снимала линейку на телефон, не забывая периодически включать фронтальную камеру и картинно вытирать слёзы.

Мальчик из выпускного класса посадил на плечо не Аню, а стоявшую рядом с ней маленькую худенькую девочку, вручив ей колокольчик. Мама возмутилась и резко подалась вперёд, чтобы устроить скандал. Баба Тома смогла предотвратить катастрофу, взяв разъярённую женщину под локоток, но та ещё долго что-то выкрикивала.

Надо сказать, родительнице всё же удалось произвести впечатление на педагогический коллектив. Опасаясь её гнева, Анечку посадили за первую парту с робким мальчиком в очках.

Со звонком на перемену выходили из класса все, кроме Ани. Она упорно склонялась над тетрадкой, выводя на листах в косую линейку или клетку непослушные буквы и цифры. А ещё громко читала что-то по слогам.

– Учёба даётся ей непросто, но она так старается, – призналась классная руководительница, и мама промокнула уголок глаза платочком:

– Она у нас с младенчества очень старательная.

Уже на второй неделе учёбы в начальной школе зашла речь о кружках и секциях. Выяснилось, что практически все дети были заняты делом, а Анечка оказалась в позорном меньшинстве.

Вернувшись домой, первоклассница Неунывакина стала настойчиво проситься в какой-нибудь кружок. Папа пообещал отвлечься от проекта и поискать информацию в интернете. Мама принялась засыпать родительский чат вопросами о наставниках и ценах. Баба Тома дошла до Дворца детского творчества и пристала с расспросами к своей однокласснице-вахтёрше. Сарделия носилась из комнаты в комнату, выражая как могла своё равнодушие.

Глава 1. Анечка поёт

Дверь просторного класса Дворца детского творчества открылась с мелодичным скрипом. Анечку, прижимавшую к груди увесистый рюкзак, настойчиво подталкивала любящая мама.

– Ольга Григорьевна, здра-а-авствуйте, – промурлыкала она стройной женщине в длинном вечернем платье, белых бусах и с высокой причёской. – Мы Неунывакины. Я мама, а вот и сама Анечка.

Педагог по пению внимательно смотрела на маленькую и большую фигуры посетительниц, пока ещё не понимая, зачем они здесь.

– Добрый день, – ответила она. – Что-то не припоминаю вас.

– А мы по рекомендации пришли записываться в ваш хор. – Мама не дождалась приглашения и плюхнулась на один из стульев, стоявших в ряду полукругом. – Понимаете, моя доченька очень любит петь. Вот прямо с роддома как запела – так и не остановить её. Просыпается – поёт. Кашу ест – поёт (хотя делать это одновременно совсем непросто). На уроках поёт, причём не только на музыке! Даже ночью, во сне, тоже поёт! И голос такой сильный, красивый!

– Ну что же, – сказала хормейстер, – давайте послушаем вашу девочку.

Она откинула крышку пианино, наклонилась вперёд и спросила у Ани:

– Детка, ты какую песню любишь?

– «Полюшко-поле», – моментально отозвалась Анечка. – Она очень громкая, мы в школе её разучивали.

– Вот и прекрасно, спой мне её, а я подыграю.

Педагог потрянула бусами, и её изящные руки забегали по клавишам. Проигрыш закончился, но Аня не вступала. Ольга Григорьевна остановилась и спросила:

– Ну что же ты не запела?

– Мария Романовна в школе говорит нам «и-и-и-и», когда нужно начинать, – объяснила Аня.

– Хорошо, давай попробуем так, – согласилась хормейстер. Она опять ударила по клавишам и в конце вступления произнесла «и-и-и-и», вновь потрянув бусами.

– ПО-О-О-ЛЮШ-КО-О-О-ПО-О-О-О-ЛЕ-Е-Е-Е, ПО-О-О-ЛЮШ-КО-О-О, ШИ-РО-О-О-КО-О-О-О ПО-О-О-О-О-ЛЕ-Е-Е-Е! – взревела «вокалистка» почти что басом. От испуга Ольга Григорьевна подпрыгнула, и крышка пианино больно хлопнула ей прямо по рукам.

– Детка, зачем же так громко? – потирая ушибленные пальцы, спросила педагог.

– Громко – значит красиво, – ответила Анечка с широкой улыбкой на лице. Она умудрилась не попасть ни в одну ноту, но это совсем не смутило ни её, ни ещё шире улыбавшуюся маму.

– Да, голос от природы мощный, с этим не поспоришь, – констатировала хормейстер. – Но вот слух...

Она посмотрела на Анину маму, лицо которой моментально пошло красными пятнами.

– Э-э-э... со слухом мы поработаем, – из чувства самосохранения исправилась педагог. – Вы по каким дням можете ходить?

– Мы по всяким можем, – ответила за маму Аня. – И в понедельник, и во вторник, и в среду...

– Да-да, хорошо, – вымученно улыбнулась Ольга Григорьевна. – Группа ещё набирается, но я планировала проводить занятия два раза в неделю. Скажем, во вторник и в четверг.

– Прекрасно, – ответили одновременно Неунывакины.

Дома мама в красках рассказывала о том, как Анечка с честью выдержала вступительный экзамен в хор.

– Представляете, – распинаясь она перед бабой Томой, Сарделией и тенью где-то в глубине лоджии, – педагог попала такая въедливая, а спой-ка мне, говорит, «Полюшко-поле»!

– Надо же, не «От улыбки хмурый день светлей»! – поразились бабушка, а Сарделия схватила лапой за сердце.

– И даже не «Облака – белогривые лошадки»! – воскликнула мама. – И вот наша крошечка как запела! Стёкла в окнах задрожали!

– Значит, так халтурно построили Дворец детского творчества, раз задрожали, – заметила бабуля. – А ты, Анютка, молодец, проявила свой талант!

Анечка пожала плечами и принялась искать глазами что бы съесть.

– Я слышала, что певицы пьют сырые яйца, чтобы голос не дрожал, – сказала мама, накрывая на стол.

– В сырых сальмонеллёз, не выдумывай, – возразила баба Тома.

– Наш ребёнок и без яиц самородок, – согласилась мама. – Доченька, тебя ждёт блестящее певческое будущее!

Природа продолжала пышно увядать, а Анечка – посещать хор. Вместе с ней ходили ещё десять человек. Уже на первом уроке Аня принялась голосить так, что у одного тревожного мальчика пошла носом кровь.

С каждым новым занятием детей становилось всё меньше. Они то болели, то задерживались на продлёнке, и только Неунывакина неизменно приходила всегда.

Ольга Григорьевна выбирала разные песни: и русские народные, и авторства Никитиных, и классику советских композиторов. У Ани не получалось взять ни одну ноту. Там, где нужно было спеть повыше, она бasila, а низкие ноты пропевала высоко в нос.

В конце концов редкие участники хора совсем рассосались и занятия стали проходить тет-а-тет. Мощные Анечкины рулады¹ были похожи на пожарную сирену, и на вой на всякий случай сбегался весь Дворец детского творчества.

– Может быть, не стоит мучить девочку? – спрашивала главная методистка.

– Кто ещё кого мучит! – парировала вымотанная хормейстер, потирая забинтованные пальцы.

– Так почему бы не прикрыть эту лавочку? – предлагала педагог из кружка дымковской игрушки.

– Вы её маму видели? – отвечала вопросом на вопрос Ольга Григорьевна. – Она весь Дворец разнесёт, если обидеть её ребёнка, этакая фурия! А я, между прочим, материально ответственное лицо!

Приближался отчётный концерт. За неделю до важного события хормейстер умудрилась заразиться лютым гриппом, и это помогло ей сберечь часть нервных клеток. Анечка успокаивала педагога по телефону, что ей не особо надо репетировать и она совсем не волнуется.

В день икс в большом актовом зале собрались миловидные бабули и кусающие губы от волнения родители. Концертная программа началась с выступления юных барабанщиков. Потом на сцене фехтовали дети в масках, из-за которых было невозможно понять, девочки они или мальчики. Бальные па переменялись приёмами карате. Ребята из изостудии рисовали гостей в зале на скорость с завязанными глазами. Две сестры-близняшки приготовили совместный номер: одна танцевала в пачке и пуантах, вторая аккомпанировала ей на рояле.

«Полюшко» Ани Неунывакиной поставили в самый конец.

– Может, половина зала устанет и уйдёт домой, – вздохнула с надеждой в голосе едва оклемавшаяся Ольга Григорьевна.

В зале и впрямь стали образовываться пустоты. Сиденья кресел хлопали, прощаясь с покидавшими их зрителями.

Однако уютно устроившаяся в первом ряду тройка гостей даже не помышляла о побеге и неистово аплодировала каждому выступавшему до самого конца номера. Мама сжимала в руках огромный букет, намереваясь вручить его любимой доченьке. Баба Тома с Сарделией на коленях бесконечно поправляла очки. Папа уткнулся в экран ноутбука и усиленно работал, периодически вздрагивая от громких звуков на сцене.

Наконец вышла румяная Анечка в длинном сарафане.

Она глубоко вдохнула и запела с небывалой силой. Микрофон икнул и выключился сам собой. Звукорежиссёр в ужасе выбежал из аппаратной.

¹ Virtuозный приём в пении; исполненная в быстром темпе часть мелодии.

Но Анечка продолжила петь даже без микрофона. Ольга Григорьевна, которая аккомпанировала ей, могла бы не стараться – всё равно рояль не было слышно за мощным вокалом. На особенно протяжной ноте Аня вдруг резко замолчала. Музыка оборвалась. Перепуганная мама бросила цветы на клавиатуру папиного ноутбука и выбежала на сцену.

– Я, кажется, сорвала голос, – просипела почти народная артистка.

Неожиданно в зале появились представители службы спасения в полном обмундировании. Самый главный из них взял в руки чудесным образом снова заработавший микрофон:

– Капитан Спасалов, честь имею! Что у вас тут происходит? Поступило сообщение о том, что сработал сигнал «Воздушная тревога».

Мама перехватила микрофон у офицера и скромно сказала:

– Что вы, это просто моя доченька пела про полюшко-поле.

Капитан покачал головой, развернулся и отдал команду покинуть помещение. Мама схватила в охапку всех домочадцев и попрощалась со злорадно хихикающей Ольгой Григорьевной.

– Я думаю, мы выжали максимум из этого кружка, – со знанием дела подвела итог баба Тома. – Девочка потрудилась на славу, теперь её связкам нужен полный покой. Голос вернётся со временем, и она ещё запоёт.

– Ну уж нет, – прохрипела Анечка, попивая тёплый настой шиповника из фарфоровой кружки с котёнком. – Лучше на танцы запишусь, а то жизнь проходит, а я ещё столько всего не попробовала.

Спорить с этой глубокой мыслью было глупо, и семья Неунывакиных поставила жирную точку на пении. Где-то неподалёку выдохнула одна счастливая Ольга Григорьевна...

Глава 2. Анечка танцует

Куда ни глянь – везде великолепными коврами под голубыми небесами лежал блестящий на солнце снег, а в Анечкиной истории начиналась новая глава.

– Драмкружок, кружок по фото, петь нам больше неохота, – весело проговорила мама, изучая расписания Дворца детского творчества. – Танцы есть классические, балльные, латиноамериканские, современные.

– Пусть уж лучше вальсировать научится, – посоветовала баба Тома. – На выпускном балу пригодится.

Сарделия выразила согласие коротким гавом.

Мама переписала часы занятий, чтобы уже с понедельника дочь начала насыщенную танцевальную жизнь.

– Ваша девочка, конечно, крупновата для своего возраста, – объявила во всеуслышание преподаватель танцев Елена Сигизмундовна, и внутри мамы тут же начал раскручиваться торнадо негодования.

– Кушать любит, – призналась бабушка, еле заметно пиная маму ногой.

– Посадим её на безмучную диету, быстро вытянется. – Педагог поправила строгую гульку на голове. – Начнём мы, разумеется, с вальса. Это, как вы понимаете, парный танец. Ваша главная задача – найти девочке партнёра. Отнеситесь к поискам ответственно и потом приходите вместе.

Если бы за такое вручали награды, семья Неунывакиных точно бы удостоилась почётного звания «Самая ответственная семья района».

Чтобы найти дочери партнёра, мама принялась обзванивать всех своих подруг с сыновьями Аниного возраста. Те играли в футбол и баскетбол, ходили на бокс и единоборства. Танцевать вальс они не хотели категорически.

Бабушка взяла лучший Анечкин портрет и отправилась караулить подходящих кандидатов, выходявших из Дворца детского творчества.

– Посмотри, до чего хорошенькая, – говорила она. – Пару себе ищет.

Мальчики шарахались от навязчивой бабули и ускоряли шаг.

Все эти методы не работали.

– Ладно, – сказала Анюта, – я поговорю с одноклассниками.

Первым претендентом на роль партнёра был числившийся перед Аней в журнале Ваня Неудачников. Он был высоким, смуглым и темноволосым красавцем, и все девочки класса хотели с ним сидеть.

– Хорош, – согласилась баба Тома. – Но что это за фамилия такая – Неудачников? С ним тебе на соревнованиях удача улыбаться не будет. Вычёркиваем.

Миша Кузин с радостью согласился танцевать с одноклассницей, но только после того, как подтянет математику. Он совершенно не умел складывать и вычитать самые простые числа, а иногда даже забывал, как они называются.

– Давай поговорим с тобой об этом в мае, сейчас не могу, – сказал Миша Ане в феврале.

Аня совсем не расстроилась из-за его отказа и подошла с таким же предложением к Кеше Щепоточкину.

Кеша заинтересовался и обещал поговорить с мамой. Баба Тома, однако, засомневалась.

– Вот представь, Анютка, поехали вы на международные соревнования. Там же нужно будет объявить: «На паркет приглашается Иннокентий Щепоточкин!» Ещё и фамилию на табло написать. И что получится? Shchepotochkin! – Бабушка написала фамилию транслитом в блокноте. – Никакого экрана не хватит!

Анечка согласилась с железным аргументом и на следующий день сказала Кеше, что передумала брать его в партнёры.

– А мне всё равно мама не разрешила, – соврал мальчик с задетой гордостью. – Да и шахматы бросать не хочется.

Остальные Анины одноклассники совсем не подходили.

Игорь Проглотов имел разряд по карате – его было опасно приглашать на танцы.

Лёва Чесноков считал любые разговоры с девочками ниже своего достоинства.

Сева Рогулин постоянно дрался на переменах и ходил с оторванными карманами и заплывшим глазом.

Владик Перетятко всё свободное время проводил за столом у бабушки. Стать Аниным партнёром мешали все его восемь подбородков.

Платоша Антониади предпочитал танцевать сиртаки и только в узком семейном кругу.

Оставался только щупленький Федя Монин, с которым Аня сидела за одной партой. Он не на шутку боялся активную одноклассницу, поэтому безропотно соглашался с ней по любому поводу. Проблема заключалась в том, что Монин носил громоздкие очки. Но девочка смогла уговорить его снять их перед первым занятием.

В один из понедельников после учёбы они встретились перед танцзалом Дворца детского творчества. Дурацкие очки Монина переключались в сумочку Аниной мамы, которая, конечно же, не могла пропустить такое волнительное событие. Баба Тома тоже пришла подержать внучку, прихватив с собой неизменную спутницу Сарделию.

Педагог Мундовна (так запомнила Аня) поприветствовала новую пару. Анечка прошла по залу как королева под завистливые взгляды девочек без партнёров и встала напротив зеркала, шепнув на ухо Монину:

– Просто повторяй за мной.

Федя послушно кивнул. Перед его глазами двигались размытые силуэты, но он старательно копировал всё, что мог разглядеть.

Во время танца под музыку Чайковского выяснилось, что у Анечки напрочь отсутствует ещё и чувство ритма. Она умудрилась ни разу не попасть в такт, чем вызвала приступ негодования педагога.

– Как тебя там, новенькая! Неунывакина! И ты, мальчик у стенок, вы чего такие заторможенные? – возмущалась Елена Сигизмундовна, и на неё тут же, как торпеда, понеслась Анина мама, всё это время стоявшая под дверью танцзала.

Бабушке, впрочем, удалось быстро обезвредить разъярённую дочь отвлекающим манёвром, но Федины очки успели выпасть из сумочки прямо под ноги хореографа.

Мундовне показалось, что она всё поняла. Педагог подошла к Ане и надела ей очки, царапнув переносицу. Перед Аниными глазами моментально поплыла обстановка вокруг. Она сдёрнула инородный аксессуар и решительно передала Феде.

Монин в очках сразу обрёл потерянную координацию, взяв в руки и себя, и неумелую партнёршу, и начал так лихо двигаться, что суровая Елена Сигизмундовна не позволила больше обидных высказываний до конца занятия.

Вот так благодаря танцам Анечка подружилась с Мониным, а тот перестал её бояться. Они с радостью бежали в танцевальный класс по понедельникам и средам и вальсировали – Федя блестяще, а Аня – как умела.

Всё испортила дочка Мундовны Лика, а точнее – её партнёр, который неожиданно сломал ногу перед соревнованиями. Хореограф приняла решение поставить на его место Федю. Такой подлости Анина мама простить не могла. Несмотря на живое препятствие в виде бабы Томи, женщина влетела в зал бушующим смерчем, на ходу высказывая педагогу всё, что она о ней думает. Мамины восклицательные интонации рикошетили от паркетного пола прямо в зеркала.

Елена Сигизмундовна, правда, и бровью не повела, а когда мамин запал иссяк, продолжила занятие как ни в чём не бывало.

Федя с Ликой завоевали первое место на районном конкурсе и стали готовиться к городскому.

Анечка, в отличие от своей мамы, совсем не огорчилась и не перестала дружить с Мониным. Она продолжала ходить на танцы, двигаясь в своём, особенном стиле. Мундовна не возражала, чувствуя свою вину, – ведь именно она разбила её пару. Больше желающих танцевать с Аней так и не нашлось.

За окном уже таял снег, бежали ручьи – весна уверенно вступала в свои права. Анечка по-прежнему вальсировала, пока в дело не вмешался случай. На урок физкультуры пришли две женщины из школы олимпийского резерва в надежде отыскать спортивные таланты.

Учительница построила первоклашек по росту, и гости стали внимательно рассматривать детей, выкручивая им руки и ноги в разные стороны. Аню, стоявшую в первой пятёрке, это совсем не испугало. Дойдя до неё, тренерша постарше сказала:

– Вот ты, девочка, хочешь заниматься гимнастикой?

Анечка, подросшая и заметно постройневшая на безмучной диете от Мундовны, улыбнулась и кивнула.

– Тогда приходи к нам с родителями. Не забудь про купальник и обувь.

Аня ещё раз кивнула и после уроков помчалась радовать домочадцев новостью о том, что она стала гимнасткой.

Глава 3. Анечка гимнастка

Первое посещение гимнастической секции было запланировано на начало марта. Мама так разволновалась, что приложила ко лбу грелку-Сарделию, которая тут же принялась старательно вылизывать ей лоб.

Ничего поделать с этим было решительно нельзя: до того как стать Неунывакиной в загсе, мама была Волнушкиной. Волноваться ей было написано на роду, как любила повторять баба Тома, предусмотрительно не взявшая фамилию ныне покойного деда.

– Мы ведь ещё не купили Анечке гимнастический купальник! – вспомнила вдруг мама вечером накануне занятия, а папа из своего балконного офиса, конечно же, услышал только последнее слово.

Он рассеянно собрался, оставшись непричёсанным, и задумчиво побрёл в единственный в городе работавший допоздна спортивный магазин.

Там он отвлёкся на яркие ценники с большими скидками и совсем потерял шанс на здравую мысль насчёт фасонов гимнастической одежды.

Он купил любимой дочери самый красивый ярко-оранжевый раздельный купальник с тонкими завязками и блёстками. Шлёпки в тон шли в комплекте.

Довольный собой, мужчина вернулся домой, торжественно поставив пакет с обновками у порога. Анечка доверяла отцу, хоть почти не знала, и даже не проверила, что лежит внутри.

Наступил день тренировки.

В манеже спортшколы выстроились в шеренгу девять девочек в тёмных гимнастических купальниках и чешках. Десятой была Анечка в ярко-оранжевом пляжном бикини и шлёпках со стразами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.